

ответить: как поступить? Ничего нет тяжелее как устраивать свои статьи. Тó — непонимание, тó — равнодушие. Ведь у меня музыка-то вышла: а как и где ее играть? Была мысль послать или в «Русскую мысль» или к Вам («Рус. бог.»). Все литераторы нетерпеливы — и пишу Вам. Конечно, у Вас 1 000 дел. Но у кого их мало? И все же помогать мы друг другу должны? Если бы Вы согласились прочесть? Еще лучше — напечатать? Будьте добры ответить Вашему покорному слуге Василию Васильевичу Розанову, С.-Петербург, Шпалерная ул., д. 39, кв. 4.

С почтением
В. Розанов.

А. А. БЛОКУ

<Получено 19 февраля 1909>

Дорогой и, конечно — по-прежнему милый Александр Александрович! Спасибо Вам за письмо. Понимаю Ваше чувство кровной интеллигентности (хотя ведь интеллигентность *именно не кровная* — у большинства, у 90% интеллигенции), и она, т. е. всякие негодования на сабли, палки и попов имеют* свое основание; хотя имеет основание и старик, плачущий о том, что не будет «пьяненьких попов». Знаете ли, вот если бы 2 эти интеллигентности слились — Русь была бы велика; но худо, что даже кровная интеллигентность не понимает плачущего мужика, что она даже в христианократических (хор. смысле) представителях не постигает тютчевских «бедных селений», — и тогда оскорбленный народ (не всегда, но иногда) берет дубье и начинает погром. В «погроме» конечно есть 99% злодеяния, идут мясники и плуты, идут обиженные конкуренцией торгаши, но 1% есть и оскорбленной народной святыни, настоящее. Плачущий старик, ну хоть у гроба Иоан. Кронштадтского, — пусть весь он полон «суеверия и непонимания» — есть столь же прекрасное, благородное и вековое явление, как Ваш дед Бекетов. Почему им не обняться?! Да, почему, что мешает?! Загадка всей русской истории. А если бы она разрешилась, не было бы более ни революции, ни реакции. Соглашаюсь с Вами о смертной казни; мой милый, неужели Вы не видите софизма в душе Вашей, что бомба — решительно Вам не отвратительна. И след., что тут не «кровь» в Вас говорит: «не убий», а разум — всегда плутяга-разум подсказывающий: «перевешать надо

* Написано почти несомненно имеют, а не имеет. (Примеч. А. Блока.)

правительство, и за то, что оно вешает». Но ведь это — предлог («что оно вешает»), а в сущности, просто хочется повесить. И вот тут зарыт в нас древний Каин, это древнее — «дай полизать крови», от которого (по-моему) люди только и отделялись древними жертвоприношениями. А исчезли они, исчезло (сравнительно) кроткое язычество и начались пытки, костры, гильотина и, в общем, христианско-евхаристическое («бескровная жертва»): «дай полизать крови» (ибо ее не имеем даже — хотя бы в жертвоприношениях).

Все это противно, и для меня революция так же противна, как «сабли наголо» и жандармы, а «пропагандист с книжками» ничуть не милее дьячка с «Господи помилуй».

Но всего не переговорим. Мне только захотелось Вам это сказать, чтобы Вы почувствовали (и я думаю Вы чувствовали), что ничего у меня к Вам не изменилось. Мне враждебен не столько идейный поворот рел.-фил. собрания (хотя и он враждебен), сколько измена Мережковских тому духу товарищества*, какой был с 1902—1903 г. и с каким *все было начато*. Товарищество сие не цветок, какой на земле не часто попадается, и его надо беречь и культивировать,— это *цивилизация***, это — настоящее... «Не выдам товарища» — это столб цивилизации. Вообще жизнь ужасно бедна *настоящим*, и настоящая культура и начатки культуры и состоит в страшно бережном отношении ко всему настоящему. Дорогой мой, что же это за цыганство и что же за лакейство, что за «российский нигилизм» (не лучше Пуришкевича), приехав из Парижа, где они жали руку «может быть самому Азефу» (еще тогда «террористу»), сказать В С Е Р Д Ц Е С В О Е М «Теперь мы довольно высоко поднялись, нас все читают, романы идут, Пирожков торгует, на лекции сбегаются: *все это пойдет еще лучше*, если мы *оттолкнем синодского чиновника Тернавцева и нововременца Розанова*, которые решительно нас компрометируют». Дорогой мой: это такое мировое лакейство так думать, после тех «лежаний»*** и «сидений» и «чаераспиваний» 1902—1903 г., и все время *до* и потом долго *после*, «сидений» и «лежаний», которые, может быть, были лучшим культурным русским явлением за 10 лет, ибо это были *дружба настоящая*, простая, ясная, глубоко скромная, и проч., и проч.! — все это

* Удивительно, что В. В. произносит *это* слово. (Примеч. А. Блока.)

** Из предыдущего и последующего ясно, что В. В. говорит о *культуре*. Слова «цивилизация» и «культура» вообще различались у нас не строго; некоторые, как напр. П. Л. Лавров, потреблял их наоборот. (Примеч. А. Блока.)

*** Очевидно, в смысле «лежания» в Америке Шатова и Кириллова. (Примеч. А. Блока.)

ужасно, все это смесь Смердякова с Каинством. И все это в качестве «предисловия» к выступлению на религиозную проповедь. Можете ли себе представить Иоанна Крестителя, который перед тем, как загреметь о «дереве, корень которого срубает секира» — целую ночь играл в крапленые карты и «подсидел приятелей». Уверен, что все это идет не от Д. С., а от «переумничившей» (и по сему попавшей в «дуры») Зин. Ник. Ну, Бог с ними. Ваш искренний *B. Розанов.*

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<Июнь 1911>

Нет, наш славный Massimo Gorki — мне «не лень» похлопотать для Вас, и все сделаю с особым удовольствием. Пока — у букинистов не нашел, да и безнадежно у них искать: ничего «духовного», только «роман — прежних лет». «Обыкновенное русское». Через неделю, когда буду в Питере, наведу справки еще в одном магазине, а затем у одного друга, и затем, когда везде получу «нет», то уже *во всяком случае* получу книгу из библиотеки СПБ. Духовной Академии, но это лишь — увы, к 1-му сентября, ибо сейчас все там в разъезде и Академия пуста. Боюсь, что Вам *негерпеливо и сейчас нужна* книга, для справок, для работы. Если же это вообще — интерес и изучение, тогда конечно можно терпеть до сентября.

И у меня Ваше *прекрасное* письмо хранится... Ниже можете не читать, ибо я «по разврату писателя» вступаю в литературу: ну бы ее к черту, литературу, так она ложна, притворна, лезет с поучениями (ведь *сам* всякий должен быть умен), и остался бы только прекраснейший отдел литературы: просто — письма простых людей, ну — переписка писателей, «о том о сем, что видел», да «что думается». Дальше еще хуже, пожалуй, не читайте: получив Ваше письмо и бродя по букинистам, думал о Вас, о судьбе Вашей. Осторожно скажу так: Ваша натура — боевая; положение (с детства) — в протест; и пока Вы были «протестующий» — «натура» и говорила золотые слова. Что же случилось потом, далее: ведь острые и ядовитая борьба всегда не против «журавля в небе», а против «клопа, который кусает в постели», против соседа, ближнего. Вас подняла «с.-д.», — и понесла на плечах. Она создала Вам триумф: и, когда вместо «клоповника» Вы очутились «в меду», естественно иссякла сила Вашего голоса, ибо *исчезла острота муки, позор вчерашнего дня* (социальный) и проч. Ах, оковы и тюрьма золотое условие для певни: а «Сарданопалы» когда же были поэтами? Уверен, будь